

Спецназ ошибся дверью

Нападение | Рассказ дочери о том, как «брали» ее отца

Будильник запиликал в то солнечное июльское утро, 4 года тому назад, как всегда, в 5:00. Мой отец, Георг Шарф, начал собираться на работу.

До катастрофы оставалось 40 минут.

Десятью днями раньше в Виле ограбили отделение Sparkasse. А через пару

дней в Гуммерсбахе, в доме, где, кроме моих родителей, живет еще 8 семей, появилась полиция. Оперативники расспрашивали соседей о 24-летнем мужчине, который недавно поселился в квартире на этаж ниже моих родителей и пропал. Жильцам стало понятно, что в ограблении подозревают его. Полицейские сфотографировали дом, нари-

совали план расположения квартир и лестниц, взяли запасные ключи от жилища беглеца и удалились. То, что случится дальше, никто не мог пред-

Завершился суд над кельнским спецназом, избившим переселенца.

Пожилого человека оглушили ударами по голове, ноги обожгло электрошокером, затем трое амбалов «зафиксировали» его на полу. От дикой боли мой отец закричал. Испуганной маме равнодушный голос приказал не дергаться.

пусть набирается сил. Георг отхлебнул кофе и вдруг услышал, как в замочной скважине входной двери заскрипел ключ. Не пони-

рый от боли потерял сознание. Но все было напрасно. «Овчаркам» дали команду «Фас!» и, пока другой команды не поступило, они не

собирались

отпускать

свою добычу.

20 минут по-

надобилось

на то, чтобы

сотрудники

Spezialein-

satzkom-mando

(SEK) осозна-

ли свою ошибку, вынули из теплой постели того, за кем, собственно, пришли, и только потом освободили жертву. В 6 утра в моей квартире раздался звонок. «Беги скорее к нам, папу избил полиция!» – кричала мама. Те 3 минуты, пока мчалась до их дома, не забуду никогда. Дом был оцеплен вооруженными людьми в камуфляже и масках. «Куда?» – остановили меня. «Там мои родители», – выдавила я. Меня молча пропустили. По квартире ходили мужчины с рациями, сустились медики. Мама плакала, а папа... Его посадили к столу, но сидеть он не мог. Голова и руки лежали на белой скатерти рядом с чашкой остывшего кофе. А лицо было серого цвета. Маме вкололи успокоительное. Спецназовцы потоптались и уехали.

Отца погрузили в «Скорую» и увезли в местную больницу. Сопровождать его мне не разрешили. Но через полчаса я и два моих брата, приехавшие к тому времени, были уже там. Папа сидел в коридоре в кресле-каталке совершенно один, на коленях у него лежала выписка с результатом обследования: ушибы. Вот и все. К вечеру ему и маме стало хуже. ■

(Продолжение читайте завтра)

Лариса Шарф

ставить.

1 июля 2003 года, 5:30 утра. Георг сделал себе бутерброд, налил в кружку кофе. Ему 62 года, больше 40 лет он работает, и утренние сборы проходят уже на «автопилоте». Жена Зузанна, моложе его на 2 года, мирно спит. Он не будит ее по утрам, сам справляется. Она недавно выкарабкалась из страшной болезни под названием лейкомия,

мая, что бы это могло значить, он шагнул из кухни в прихожую, и в ту же секунду дверь с грохотом разлетелась на куски, а в квартиру с бешеными криками ворвались четверо вооруженных головорезов в камуфляже и черных масках. Пожилого человека оглушили ударами по голове, ноги обожгло электрошокером, затем трое амбалов «зафиксировали» его на полу. В считанные мгновения лежащему на животе человеку зажали голову, заломили и скрутили на спине руки и ноги, а сверху придавили своим весом. От дикой боли мой отец закричал. В то же время мама, проснувшись от грохота, попыталась встать из постели, но наткнулась на дуло автомата. Равнодушный голос приказал ей не дергаться. Сообразив, что весь этот кошмар имеет отношение к недавним визитам полиции, Зузанна начала убеждать вломившихся, что подозреваемый ими человек живет этажом ниже, что произошла ошибка и что преступнику 24 года. Она плакала и умоляла их отпустить мужа, кото-

Спецназ ошибся дверью

Закончился судебный процесс, который длился 4 года. Десять виновных в нападении на переселенца уволены, а командиру отряда запрещено работать в спецназе пожизненно.

(Продолжение. Начало в предыдущем номере)

А на следующий день, поняв, что полиция старается замять «конфуз» и помощи ждать неоткуда, мама позвонила на WDR. Благодаря прессе забыть о двух беспомощных людях не удалось. После первых же публикаций моих родителей начали навещать, соболезнуя и извиняясь, «высокие» чиновники.

Адвокат семьи Ульрих Йобски подал в суд на действия служащих SEK. В эти дни родителям очень помогла жена управляющего ограбленным банком Марлене Мерен. Она договорилась о независимом медицинском обследовании в больнице города Вальдбрёл, где консилиум врачей заявил: повреждения настолько серьезны, что пациент нуждается в длительном лечении и никогда не сможет работать. Вооружившись этим заключением, домашний врач и Мерен добились от полиции

оплаты лечения в санатории города Браунлаге.

Спустя год журналисты писали, что прокуратуре Кельна до сих пор не удалось разобраться,

«Повреждения пострадавшего настолько серьезны, что пациент никогда не сможет работать».

кто же был виноват — полиция Гуммерсбаха или кельнский SEK. Обе стороны обвиняли друг друга, изворачивались, меняли показания. А на одном из слушаний 2-метровый спецназовец даже заявил, что 62-летний Георг Шарф сам напал на них (четверых!) и избил. К сожалению, подобные «ошибки» не так уж редки для SEK. В декабре 2000 г. жертвой зондеркоманды стал невинный житель Санкт-Аугустина. В октябре 2002 г. спутали с главарем мафии

жителя Кельна. Да и задержанный в Гуммерсбахе «грабитель» оказался ни при чем. Вскоре после нападения на моих родителей бойцы SEK перепутали

ли дома еще в одном тихом городке, погиб человек. А затем, во время учений, таинственным образом был застрелен один из служащих зондеркоманды, открыто выразивший недовольство творившимися внутри организации порядками. Даже коллеги-полицейские, «поправ» профессиональную этику, не смогли сделать вид, что ничего особенного не происходит. По словам пресс-секретаря федерального общества «Критичные полицейские», из ошибок SEK

не извлекаются уроки. Более того, подготовка служащих только ухудшается. Их натаскивают, как собак или Exekutiv-trotteln (то есть исполнительных дураков), так что им полагается не думать, а подчиняться команде и, в итоге, избегать ответственности за ошибки. Совсем недавно закончился процесс, длившийся почти 4 года. Десять

виновных в нападении на моих родителей уволены, командиру отряда запрещено работать в подобных структурах по-

жизненно. А моему папе до сих пор снятся кошмары и не дают покоя искалеченные суставы. Я намеренно

не называла в своем рассказе имен «злодеев». Это неважно. Важно то, что весь этот ужас произошел в

нашем немецком городе, который мы считали крепостью.

На этот раз не ошиблись? / dpa